

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ въ г. Томскъ ежедневно, за исключениемъ дней послѣпраздничныхъ.

XVII

годъ издани.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ Томскѣ: въ конторѣ редакціи (ул. Дворянской и Ямской пер., д. «Сибирская Т-га Нечитайло Домъ») и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина; въ Петербургѣ: въ конторѣ объявлений Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Большая Морская ул., д. № 11, Торгового Дома Бруно Валентина, Екатерининской канатѣ, № 18—27; въ Москве: въ центральной конторѣ объявлений Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Мясницкая улица, домъ Сытова; въ Варшавѣ: въ конторѣ объявлений Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К°, Маршалковская, 180; въ Барнауле: въ книжномъ магазинѣ В. К. Соколова.

Подписанная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на 12 мѣсяцевъ въ Томскѣ и другихъ городахъ	6 р. — к. за границу 10 р. —
» 9 » » » »	4 р. 75 к. — 8 р. —
» 6 » » » »	3 р. 50 к. — 6 р. —
» 3 » » » »	1 р. 80 к. — 3 р. 50 к.
» 1 » » » »	— р. 60 к. — 1 р. 20 к.

Подписка считается съ 1-го числа каждого мѣсяца.

За первенственную адреса иногородняго на иногородній взимается 35 коп.

Такси за объявленія: за строку петита впереди текста 20 к., позади 10 к.

Для иногороднихъ за строку петита впереди текста 30 к., позади 15 к.

Объявленія прислути и рабочихъ 20 коп. за три строки.

За прилагаемая къ газетѣ объявленія въ Томскѣ—5 руб., иногороднимъ 7 р. за тысячу экземпляровъ вѣсомъ не болѣе одного лота.

Контора открыта ежедневно съ 8-ми часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, кроме праздниковъ. Телефонъ № 470.

Редакція для личныхъ объясненій съ редакторомъ открыта ежедневно отъ 5 до 6 ч. веч.

Присылаемыя въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа съ обозначеніемъ фамилии и адреса автора. Рукописи, въ случаѣ надобности подлежать измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи, доставленныя безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются бесплатными. Статьи, признанныя нрудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсѣмъ не возвращаются.

Цѣна № въ
гор. Томскѣ 4 коп.

Цѣна № въ
др. городахъ 5 коп.

св. Но все лучшее, что имѣть теперь драматический театр, тѣлько и мыслью своею тяготеетъ къ миниатюрѣ, какъ проза и физиономія только мысль и только чувство писателя. Точно въ большомъ повторно выражены маленькие картины, маленькихъ изъ своихъ деталей, большая — по красотѣ идеи и замысла. Вотъ Чеховъ — миниатюристъ, признанный и блестящий. Что такое же «Три сестры», «Недорогъ», «Вишневый садъ», — какъ не яркость миниатюрныхъ сценаріевъ, изображающихъ въ одну стечинскую ражу и окутанныхъ искаженіемъ грустного пессимизма? Кто же эти Гаговы Вершниковы, Чебутыкины, Маша, Раневская и Лопахинъ, какъ не отдельные типы одной галлереи?

Однѣ изъ чеховскихъ персонажей говорятъ: «если все-ли равно, есть ли есть или его нетъ». И это глубоко вѣрно. Отнимите у Чехова ту или иную деталь — художественной цѣльности вы не нарушите. Въ «Вишневомъ саду» миниатюристъ сошелся болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Здѣсь, что ни шагъ, то отдельная миниатюра. Вотъ сказание маленькой Ани и Трофимова — чистое и ясное въ своей мысли, какъ утро майского дня. Вотъ безразостная повѣсть Любы Раневской и Гаева, монологи Лопатина и Фирса, маленькая драма Вари и Дунинъ — все это брошено небрежно, безъ претензій, съ привлекательной яркостью неводѣльного драматизма.

Въ плоскости такого содержания, я склоняюсь увидѣть «Вишневый садъ» въ постановкѣ передвижниковъ. Но странная игра обстоятельствъ. Отзычивый къ стремленію къ художественности, передвижной театръ какъ бы нарочно сорвалъ яркіе краски «Вишневаго сада», какъ бы нарочно приглушить это рѣдкое произведение нашего драматического репертуара.

Я помню «Иванова», поставленнаго передвижниками нынѣшней весной. Нѣсколько байдуловъ исполнение искупалось тамъ необычайной выразительностью общаго тона постановки. Тамъ каждая маленькая деталь смотрѣла на всѣхъ большими глазами «глазами хмурыхъ людей», красота сочеталась со скромностью, театральность съ искушающей художественностью, и зритель видѣлъ передъ собой только одну стройную развертывающуюся картину чеховской комедии.

Тамъ сотрудники отказались отъ поглощающаго абсолютнаго культа — диханія слова, одѣсь они нарочно выдвинули его на первый планъ и успокоились на хорошей жизненной чистотѣ, а не на изображеніи постиженія жизни — живой игрой глазъ, тѣла, ритма и движений, красками цвета, дрожжаниемъ и переживаніями всего существа.

У меня, напримѣръ, совершенно пропали такія яркія мѣста, какъ сцена Любы съ Трофимовымъ, или заключительный аккордъ умирающаго «Вишневаго сада» — сцена отъѣзда — послѣднее появленіе Фирса. Въ отношеніи исполнения выдѣлялись Скальская въ роли Любови Андреевны, Гайдебургъ — Гаева, между прочимъ, повторившій до жельчайшихъ деталей Шафферского изъ «Иванова», Бранцевъ — Фирса и Аркадинъ — Семенова — Пищика. Нечужо странное толкованіе роли Лопахина дѣлъ В. М. Галицкаго: не то въ духѣ Островского, не то въ духѣ другихъ русскихъ бытописателей, — безъ чеховской тонкости и подкупающей искренности. Грубый, пугающій, Лопахинъ вноситъ диссонансъ и смущеніе въ спокойную тягучую обстановку комедіи.

И. П.

Театръ и искусство.

Передвижной театръ

(Изъ бесѣды съ П. П. Гайдебургомъ).

(«Вишневый садъ» А. П. Чехова. 1-я гастроль передвижниковъ).

«Къ редакціи человѣка ведутъ два пути, сказать кто-то,— непосредственное метафизическое созерцаніе и искусство». Если созерцаніе просто средство, а созерцаніе красоты — цѣль, то хранить его будетъ театръ. Могущество искусства въ переживаніи. И это переживание тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе проникаетъ въ наши сердца истическое начало красоты.

На общественномъ каркасѣ современной драматической литературы висятъ разные должностные «послѣдней надѣи». Здѣсь все для риммы; все живеть и дышать железнѣй закономъ всевогодящаго» соро-